18+

Глеб Пудов

Фарфоровые тюльпаны

Рассказы и эссе

Глеб Пудов

Фарфоровые тюльпаны. Рассказы и эссе

https://litres.ru/74959143
ISBN 9785007177672

Аннотация

Настоящий сборник состоит из двух частей: в первой представлены рассказы, во второй — эссе. Тематика художественных текстов разнообразна: поиск смысла жизни и обретение её подлинных ценностей, поведение людей в кризисных ситуациях, отношения человека и Бога, преодоление одиночества. Эссе посвящены творчеству некоторых скандинавских писателей, чьи произведения затрагивают подобные темы.

Содержание

Открывая мир и себя через слово	5
РАССКАЗЫ	11
Фарфоровые тюльпаны	12
Сказка о справедливости	17
Гость	20
«Следи за собой, будь осторожен…»	24
Затворник	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Фарфоровые тюльпаны
Рассказы и эссе

Глеб Пудов

Автор предисловия Ольга Фокина

© Глеб Пудов, 2026

ISBN 978-5-0071-7767-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Открывая мир и себя через слово

Глеб Пудов — прекрасный эссеист, прозаик, публицист, рецензент. Его новая книга «Фарфоровые тюльпаны» — настоящее приглашение к глубокому диалогу, где поднимаются вечные вопросы бытия. Здесь и художественная проза, и эссеистика. Всё умело сплетено как многогранное произведение для размышлений.

Первая часть книги — это рассказы. Они погружают читателя в самые разные жизненные ситуации. Писатель не боится затрагивать темы, которые волнуют каждого. Это и поиск смысла жизни, и обретение истинных ценностей, которые зачастую теряются в суете наших будней. Герои оказываются в непростых, а порой и совсем кризисных ситуациях. Здесь проявляется вся сложность человеческой натуры. Читатель наблюдает, как персонажи справляются с испытаниями, ищут опору, борются с внутренними демонами. Особое место в рассказах занимает тема отношений человека и Бога. Это не прямолинейные проповеди, а скорее тонкие наблюдения за тем, как вера (или её отсутствие) влияет на поступки. Люди ищут ответы на свои вопросы или отворачиваются от важного. Автор показывает, что этот поиск может быть мучительным, но именно он зачастую ведёт к обретению себя.

Не менее важной темой является преодоление одиночества. Глеб Пудов с удивительной чуткостью описывает это

состояние, его разные грани — от физической изоляции до глубокого внутреннего опустошения. Но в этих рассказах есть надежда. Надежда на встречу, на понимание, на то, что даже в самом тёмном уголке души может зажечься свет. Рассказы Г. Пудова — это истории о людях, которые, несмотря на все трудности, продолжают искать свой путь, стремиться к лучшему и находить его в самых неожиданных местах.

Автор в своих рассказах предлагает читателю не просто историю. Это погружение в тот мир, где реальность переплетается с потусторонним, а обыденность становится декорацией для событий. Писатель умело создаёт образы, которые, несмотря на свою фантастичность, обретают удивительную убедительность. Г. Пудов демонстрирует тонкое владение языком, создавая живые и яркие образы. Бывает, что рассказы оставляют после себя ощущение недосказанности и приглашают читателя к размышлениям о силах, которые управляют нашим миром. Но эти произведения, безусловно, заслуживают внимания ценителей глубокой прозы. А где-то мы погружаемся в атмосферу Петербурга второй половины XIX века, где за парадным фасадом имперской столицы скрываются тихие мастерские художников и скромные провинциальные церкви. Автор умело рисует контраст между шумным, напористым февралём и застывшим временем пространством, где рождаются мечты и сталкивается реальность. Но и здесь автор не ограничивается описанием творческих поисков. Он затрагивает и более глубокие темы:

столкновение идеалов с реальностью, поиск своего места в мире, где искусство может быть как возвышенным призванием, так и ремеслом, приносящим доход. Это и о выборе, о компромиссах, которые приходится делать на пути к мечте, и о том, как даже в самых обыденных вещах можно найти место для творчества и красоты. Глеб Пудов создаёт живые образы и атмосферу, заставляя читателя задуматься о цене искусства и о том, как важно не потерять себя в погоне за идеалом.

«Сказка о справедливости» погружает читателя в мир, где научный поиск переплетается с глубокими личными переживаниями. Автор с удивительной искренностью делится своей историей, начиная с детского восторга перед хрупкой красотой бабочек и заканчивая сложным выбором во взрослой жизни. О, как писатель передаёт ощущение чуда, которое испытывает ребёнок! А становление героя! Университет, научные статьи, экспедиции — всё это описано так заразительно, как и детское восхищение. Но по мере погружения во взрослую жизнь появляются и более мрачные ноты… Герой сталкивается с обратной стороной своей профессии… Эти бедные засушенные бабочки, что украшают стенды, стали символом уже, увы, утраченной жизни… Как автор показывает внутренний конфликт героя, который ради научного прогресса вынужден причинять вред тому, что любит… А фантастическое преображение насекомого в прекрасную женщину и таинственное исчезновение! Это глубокое раз-

мышление о месте человека в мире, о цене знаний и о вечной борьбе между стремлением к познанию и уважением к жизни. Реальность и фантазия переплетаются, оставляя множество вопросов…

Рассказ «Гость» погружает в атмосферу морозного деревенского вечера, где тишина и снег создают умиротворение. Но это лишь фон для необычайной встречи. Встреча с ангелом обещала чудо, но встреча со Смертью ставит перед героем сложные вопросы. Как же автор умело создаёт контраст между обыденностью деревенской жизни и мистическим присутствием потустороннего. Это размышление о жизни, смерти и человеческой природе. Рассказ заставляет читателя переосмыслить свои собственные представления о неизбежном.

В рассказе «Следи за собой, будь осторожен…» ангелы раскрывают свою миссию — наблюдать за людьми и помогать им. Их появление не предвещает беды, а скорее служит поводом для наблюдения. И мы снова задумываемся о роли случая, судьбы и невидимых сил в нашей жизни. Автор умело играет с нашими ожиданиями. Он предлагает не просто историю, а диалог с собой и с миром.

В рассказе «Затворник» писатель делает акцент на контрастах. С одной стороны — суровая реальность зимнего города и страх перед неизвестностью. С другой — зарождающаяся связь с человеком, который выбрал уединение среди вечности. Произведение интригует, заставляет задуматься о

природе одиночества, о связи человека с прошлым и о том, что даже в самых неожиданных местах можно найти нечто удивительное. Глеб Пудов даёт нам ощущение тайны и желание узнать, что же скрывается за завесой молчания и уединения.

Во второй части книги представлены эссе. Это компас, ориентир, настоящий глубокий литературный анализ. Г. Пудов обращается к творчеству писателей, чьи произведения созвучны его собственным размышлениям. Он не просто пересказывает сюжеты, а вдумчиво анализирует, как другие авторы подходили к темам смысла жизни, человеческих отношений, веры и одиночества. Это живой разговор с читателем и с самими писателями. Эссеист делится своими открытиями, показывает, как литературные произведения могут стать зеркалом наших собственных переживаний и помочь нам лучше понять себя и окружающий нас мир. Он умеет находить связи, выявлять смыслы и представлять их в доступной форме.

Книга Глеба Пудова — это глубокое произведение, которое будет интересно широкому кругу читателей. Оно заставляет задуматься, переосмыслить собственные взгляды и, возможно, найти ответы на те вопросы, которые давно тревожат. Автор обладает редким даром — говорить о сложных вещах простым и искренним языком, вызывая доверие. Эта книга напоминает нам о том, что поиск смысла жизни — это непрерывное путешествие, полное открытий.

Ольга Фокина
член Международной гильдии писателей

РАССКАЗЫ

Фарфоровые тюльпаны

Уже две недели февраль распоряжался в столице, как приказчик — в торговой лавке: солнце холодным блином висело между шпилями и куполами, голодные утки крякали около мостов, на площадях кружились хороводы и рассыпáлись жемчугом серебристые звуки гармошек.

Февраль в Петербурге — шумный, напористый месяц.

А в большом помещении, расположенном на верхнем этаже старинного дома, — тишина. Как паук расползлась она по пыльным углам. Это — мастерская известного художника. Здесь время замедляло своей бесконечный бег, здесь застывало в узорах морозного стекла. У художника было свое летоисчисление. Сейчас этот высокий благообразный старик сидел в глубоком кресле, курил дорогую сигару и недовольно посматривал на полотна и рисунки, развешанные по стенам. Многое было пережито, многое передумано.

Впрочем, старик-художник уходит из нашего рассказа и больше в нём не появится.

Михаил был сыном священника. Отец его имел небольшой приход в одном из уездов Владимирской губернии. Прихожане — забытые старики да старухи — исправно заполняли церковь по воскресеньям, но достаток приходу обеспечить не могли: ограда повалилась, церковь покосилась, а

иконы с высот иконостаса засыпали пол поблекшими кусочками краски.

Престарелый священник, в юности учившийся иконописи у дьячка, передавал свое нехитрое мастерство сыну Михаилу — самому старшему из детей. Учеба давалась легко, но Михаил чувствовал, что эти уроки — лишь прихожая большого прекрасного дворца. Чудесные дали манили совершенством и гармонией. И неизбежное совершилось: с благословения отца Михаил решил ехать в Петербург постигать науки и искусства. На дворе была вторая половина XIX века. Порой Михаилу казалось, что только волею случая он родился в семье русского священника и только волею случая на дворе гудел XIX век — время чугунных мостов и угольных паровозов.

Михаил нанял комнату неподалеку от Академии художеств. Последние деньги были потрачены на покупку книг и красок. Через несколько месяцев Михаил намеревался показать свои работы какому-нибудь профессору: жрец искусства должен был знать про чудесные дали, которые манили Михаила во время его обучения иконному ремеслу. Дни напролет он бродил по комнатам «большого прекрасного дворца», а вечерами — по узким улочкам и большим площадям «северной Венеции». Искусство было повсюду: оно улыбалось барочными завитками, танцевало в изящных ограждениях балконов и блестело на полотнах великих художников.

Однажды около антикварной лавки на Васильевском ост-

рове Михаил познакомился с московским купцом. Это был высокий молодой человек в черном сюртуке. В результате горячей беседы, наполненной учтивыми оборотами и громкими словами, выяснилось, что новый знакомый тоже был любителем художеств: посещал выставки, дружил с модными живописцами и даже купил несколько их рисунков. Купец, снисходительно улыбаясь, посоветовал Михаилу обратиться на Императорский фарфоровый завод — там была потребность в хороших мастерах.

На следующий день Михаил отправился на завод и спросил «самого главного живописца». К нему вышел строгий господин в фартуке:

— Что вам угодно, сударь?

Михаил дрожащими руками вытащил рисунки. Господин придирчиво их осмотрел, некоторые подносил к свету, другие рассматривал в отдалении («Недурно-с»). В конце концов он удовлетворенно хмыкнул, и попросил принести другие работы, которые были бы выполнены на ином материале, например, на дереве.

Михаил поведал о своей проблеме знакомому купцу. Тот ответил, что нет ничего проще: его отец доставляет товары на Нижегородскую ярмарку в сундуках, и вот эти сундуки Михаил может расписать, как ему вздумается — и купцу реклама и Михаилу полезно. Недавно где-то в Подмосковье отец купил много сундуков для нужд коммерции. Они в полном распоряжении Михаила.

Сказано — сделано.

В тот же день купец привез на телеге большие сундуки. У них были прямые стенки и покатые крышки. На их лицевых сторонах Михаил сначала написал по две черные рамы. Потом, подумав, изобразил изящные вазоны с букетами тюльпанов. Цветы обрамлялись растительными завитками и листьями. В качестве шутки Михаил написал несколько ветвей букетов выходящими за черные рамки. Так делали некоторые его любимые живописцы эпохи Возрождения. Потом Михаил окрасил пространство между рамками в светло-коричневый цвет, и, пока краска не высохла, гребнем провел волнистые линии. Такие же линии он нанес на боковые стенки. Получилось красиво. Михаил хотел еще сварить олифу и покрыть ей узоры, но купец сказал, что это уже лишнее. От росписи он был в восторге.

Через несколько дней Михаил с купцом подъехал к воротам фарфорового завода и пригласил строгого господина. На телеге высилась горка из нескольких расписных сундуков. Они ещё пахли свежей краской. Когда «самый главный живописец» пришел, купец сказал:

— Вот, господин хороший, смотрите нашу галерею.

Михаил молчал.

Мастер осмотрел сундуки и сказал:

— На фарфор прекрасно пойдет. Ну-с, молодой человек, поступаете на должность, когда пожелаете. Жалованье приличное, курение запрещено.

Михаил поклонился.

Вопреки заявлению автора, известный художник еще раз появился в этом рассказе. Он улыбнулся Михаилу. Затем принес старый кувшин и приготовил его к росписи.

Время, как муха в паутине, запуталось в узорах морозного стекла.

Санкт-Петербург

Сказка о справедливости

«…Первый раз я увидел бабочек, когда был совсем маленьким. Это произошло в деревне, куда мы ездили отдыхать каждое лето. На залитой солнцем поляне, вокруг старых кустов малины, кружились серебристые и золотые хороводы. Они весело играли с клубками теней и паутиной. На прозрачных крыльях отражались солнечные лучи. Я, завороженный, находился внутри этой сказочной картины.

Как мало надо для счастья!..

Именно тогда я понял, что бабочки — те существа, которым я хочу посвятить всю жизнь, и именно тогда началась моя истинная биография — я стал лепидоптерологом. Это жуткое слово означает всего лишь человека, изучающего бабочек.

После окончания школы я поступил на биологический факультет столичного университета (тоже настоящее волшебство). И с тех пор понеслась моя жизнь, как скаковая лошадь: я писал научные статьи, собирал бабочек в разных концах света, выступал на конференциях, готовил рефераты для студенческого клуба энтомологов.

Однажды вечером я разглядывал в микроскоп обыкновенную капустницу. И вдруг заметил, что узоры ее крыла напоминают вены на моей руке и сеточку на листьях деревьев. Ощущение родства со всем живым охватило меня: мы ды-

шим одинаковым воздухом и питаемся теми же веществами! Мы все — родственники, потому что живем на одной планете.

Через несколько лет учеба завершилась, и я благополучно вступил в так называемую взрослую жизнь. Но в ней почти ничего не изменилось: доклады, рефераты, статьи, командировки… Они чередовались друг с другом в разной последовательности. Разве что университет поменялся на институт.

Множество собранных мной бабочек висело на стендах в нашем музее: приколотые к планшету, они грустно расправляли чудесные крылья. Словно палитра гениального живописца сияли пятна лазурного, голубого, красного цветов — выбирай любой и твори шедевр! Но обладатели этих волшебных крыльев были мертвы. Одни — очень давно, других умертвили недавно. Иногда меня мучила совесть, и я представлял себя охотником на картине голландского художника XVII века, которого судят звери: медведь держит связанного мужчину, а лев объявляет приговор. Вряд ли он будет оправдательным: вокруг сцены суда изображены «подвиги» охотника. Это эрмитажное полотно всегда вызывало у меня странные чувства.

Но что ни сделаешь ради науки?

Однажды в Дании я наткнулся на чудесную Lycaena phlaeas, описанную еще великим Линнеем. Это был довольно редкий экземпляр, который бы очень украсил коллекцию нашего музея и послужил примером в моей очередной пуб-

ликации. Упускать ее было непростительно, и я начал охоту. Далекий предок, должно быть, мог позавидовать моим навыкам прятаться и ловко бросаться на жертву. Бабочка, безмятежно махая светло-коричневыми крыльями, угодила в сачок. Я торжествовал. Перспектива научного открытия и возможность получения президентского гранта рисовалась передо мной во всём великолепии. Но потом случилось нечто невообразимое: на моих глазах бабочка вдруг превратилась в гневную прекрасную женщину без возраста, взмахнула палочкой и… Увы, пора прекращать эти воспоминания — я уже вижу молодого коллегу, идущего ко мне с иголкой».

Так думала прекрасная Morpho menelaus. Она в ужасе ударяла голубыми крыльями по стеклянным стенкам банки, в которую была посажена несколько дней назад.

Санкт-Петербург

Гость

Вечерело. В избах зажигались огни. Собаки прятались от холода в будки. Сонные снежинки, стирая контуры предметов, превращали деревню в серебристую пустыню. Тишина. Луна бледным пятном повисла над крышами.

На улицах почти никого. Почти: столяр Михаил нёс на руках подростка, одетого в белые длинные одежды, и тихонько приговаривал:

— Откуда же ты такой взялся, дружище? Февраль на дворе, а ты в такой слабой одежонке. Вот погоди, донесу до избы — чаем отогрею. На печке полежишь — согреешься, тепло станет. Ты потерпи, потерпи, немного осталось. Хорошо, что меня на работе задержали. А если бы нет? Чего бы тогда было?

Подросток молча глядел на Михаила и уныло вздыхал. Тихо поскрипывал снег под валенками столяра, на окраине деревни лаяла собака.

— А что это такое у тебя? Батюшки! Крылья! Так ты ангел что ли? Твою ж дивизию… Потерпи, потерпи. Скоро придем.

Ангел что-то прошептал синими губами, но Михаил не расслышал. Он оглядывался по сторонам и спешил — не надо, чтоб кто-нибудь увидел его. Слухи, слухи, слухи… Неизбежное деревенское зло.

Из избы напротив выскочил лохматый пес Битюг и яростно бросился на Михаила.

— Вот я тебе, зараза! — закричал столяр.

Ангел спокойно посмотрел на собаку и та вдруг, поджав хвост и жалобно скуля, убежала в будку.

— А ты страшный, — уважительно сказал Михаил, — хорошо припугнул Битюга — никому покою не дает, гад. Отчего он такой злой? Да кормят его плохо, вот что. Петька, хозяин его, помер недавно, а петькиной жене наплевать на собаку. Вот уже почти и пришли.

Михаил толкнул калитку ногой. Осторожно, стараясь не ударить ангела о столбы, вошел во двор. Потом он медленно поднялся по ступенькам крыльца и, пошарив в темноте, открыл толстую дверь.

— Вот мы и дома. Сейчас печь затопим. Я один живу. Не каждый день топлю, а раз такой случай — надо. Ты пока посиди на лавке, я мигом.

Михаил сходил за дровами и вскоре в отверстиях чугунной дверцы заплясали веселые язычки пламени.

Через пару часов ангел, напившись чаю с малиной, спал на печке. Михаил сидел за столом и, задумчиво глядя в окно на метель, думал: «Вот ведь как бывает в жизни. Идешь с работы, вроде всё как обычно, и вдруг спасаешь ангела. Чем же я его завтра кормить буду?».

А ночью ему снился сосед Петька. Он показывал фигу и говорил: «Три тысячи я тебе никогда не верну». Михаил сер-

дился: «Тьфу-ты пропасть! Как был дураком — так и остался. Я уж и забыл давно про эти деньги, успокойся. Лучше скажи своей Зинке, чтоб за собакой лучше следила». Петька согласно кивал головой. Потом снилась жена, умершая несколько лет назад. Она улыбалась и жестом манила к себе. После жены появились какие-то старинные люди — тоже улыбались и кивали.

Михаил проснулся под утро злой и разбитый: одни мертвецы снились ночью, что ж ты будешь делать? Никогда такого не случалось. Кряхтя и почесываясь, он открыл дверцу печки, подбросил дров. На заиндевевших стеклах избы несмело разливался розовый свет: солнце поднималось из-за вершин сосен, окружавших деревню. Михаил вытащил из холодильника вчерашний суп с картофелем и тушенкой, нарезал хлеб крупными кусками, сел за стол и стал ждать. Ангел не просыпался. За забором выл Битюг. Михаил вышел из избы, покурил, отнес голодному Битюгу остатки тушенки. Тот молча набросился на еду.

— Оголодал, бедняга… А чего вчера на меня наскакивал, а? «Работа такая», скажешь? А вот не принесу тебе еды в следующий раз — будешь знать, как на людей кидаться. Зинка же не накормит. Я ей выскажу, пусть не обижается.

Собака, оторвавшись от еды, благодарно посмотрела на Михаила.

— То-то же. Ладно, ешь — не буду мешать.

Когда Михаил возвратился в избу, ангел сидел за столом

и с интересом рассматривал иконы, которые темнели в верхнем углу.

— Это мне от матери досталось. Старинные образа́. Решил не выбрасывать. Когда колхоз был, прятал в сундуке. Ты какой-то молчаливый. Ничего не отвечаешь. Чего же ты молчишь, ангел?

— Я не ангел, я смерть, — тихо ответил гость.

Санкт-Петербург

«Следи за собой, будь осторожен…»

По воскресеньям в городке было шумно. На центральной площади выстраивались длинные ряды автомобилей. Памятник Ленину, который своей бронзовой мощью возносился над местной действительностью, скромно прятался за их серыми спинами. Колокольный звон покрывал крыши маленьких, но очень весёлых домиков. Они крикливыми цыплятами толпились возле вождя мирового пролетариата.

Отчего в городке было шумно?

Потому что в воскресенье проходили службы. В тот день, о котором пойдёт речь, старинный костёл и не менее старинная церковь, недружелюбно поглядывая друг на друга, сверкали в лучах зимнего солнца. Двери обоих были гостеприимно распахнуты, из них выходили люди со светлыми лицами. Они радостно обнимались и пожимали руки прохожим. Дети бегали вокруг, собаки лаяли, воробьи чирикали. Кошки с высоты заборов одобрительно посматривали на это великолепие.

На скамье около костёла о чем-то оживленно беседовали два господина. Один был значительно в летах, другой на вид лет сорока.

Вдруг пожилой повернулся к тебе и сказал:

— Дорогой читатель, приветствую вас. На этом месте рассказа мы вынуждены взять нить повествования в свои руки. Мы откажемся от услуг автора, потому что он имеет склонность затягивать описания. Приступим к беседе. Меня зовут… Как же меня зовут? — тут он подумал и продолжил: — Меня зовут Пётр Иванович. Пусть я буду называться звать-ся именно так. Как вы можете догадаться, это не настоящее мое имя. А моего товарища можно называть… Как тебя называть, старина? — обратился он к спутнику. Тот ответил немедленно:

— Дормидонт Яковлевич!

Пожилой улыбнулся:

— Изволит шутить. Вы будете Сергеем Петровичем.

Собеседник молча кивнул:

— Как пожелаете.

Пожилой продолжил:

— Мы ангелы. Да-да, не улыбайтесь снисходительно, дорогой читатель, мы ангелы. Наша миссия заключается в том, чтобы присматривать за вами, людьми и помогать по возможности. Иногда приходится спасать. Вы помните усталого хирурга, который зашивал ваши руки и ноги после того, когда вы опрокинули стекло?

Я кивнул.

— Это был он, — сказал пожилой и показал на собеседника.

— Да, это был я, — гордо ответил тот. — Ноги не болят?

На них самые длинные шрамы. Наверное, от погоды чешутся?

Я оторопел.

— А помните ли вы, дорогой читатель, когда вас около Финляндского вокзала чуть не сбил автобус, и вас будто что-то оттолкнуло в сторону?

— Это тоже был он? — спросил я и кивнул на господина помоложе.

— Да. Это ваш ангел-хранитель, — ответил Пётр Иванович.

— Приятно познакомиться. А зачем вы здесь? Что-то должно произойти? Вы хотите о чём-то меня предупредить?

— Нет-нет. Всё хорошо. Просто любим по воскресеньям наблюдать за прихожанами. Они в такие дни как на ладони, — сказал, улыбнувшись, Сергей Петрович. — Хотите, расскажу о некоторых? Присаживайтесь. Давайте на минутку вернём автора?

Я согласился.

…Кошки с высоты заборов одобрительно посматривали на это великолепие. Из костёла «выплыла» дама неопределённого возраста. Она немедленно начала улыбаться окружающим и пожимать руки. Но делала это крайне величественно, с печатью вселенской скорби на лице. («Тут уж писатель излишне ироничен, — сказал Пётр Иванович, но в чём-то он прав»). Прихожане подходили к ней с поклоном, словно к императрице.

— Позвольте я расскажу об этой даме. Зовут её… А неважно, как е зовут. Это мой любимый тип верующих — святоши. Они прячутся в веру, как мыши в норку, и живут там безопасно и уютно. Они свято верят, что если делать так, как требуют правила, можно попасть в рай. Жизнь для них чёрно- белая. Самое замечательное: святоши всегда стремятся войти в неофициальные отношения с Богом.

— Это как? — спросил я.

— А сейчас объясню. Когда-то давно, во время очередной вашей войны, я был в этом костёле. Люди тогда жили бедно, прихожан было мало. Коммунисты — эти чудаки с каменными лицами — всех разогнали да поубивали. А было Рождество. Дай, думаю, порадую детишек. Подбросил я этой даме некоторую сумму денег. Понадеялся, что она детям подарки купит. Куда там! Где-то достала старинный серебряный крест и молится теперь перед ним дома, в одиночестве, в тишине. Думает, что так молитва быстрее дойдёт до Всевышнего. Будто Ему нужны эти ваши драгоценные металлы.

— А с детьми-то что?

— Да ничего особенного. Пришлось чудо устраивать, хотя мы не любим это делать. Да, Пётр Иванович?

— Точно. Пусть сами до всего доходят. Слушай, Сергей Петрович, а ведь нам пора. Хватит разглагольствовать. Отдохнули — пора и честь знать.

— А что случилось?

— Нам надо идти. Они уже пушки заряжают, скоро по

кафе ударят.

— До встречи, дорогой читатель, — сказал Сергей Петрович, — как пел ваш музыкант, «следи за собой, будь осторожен».

Санкт-Петербург

Затворник

Зима в этом году была очень снежной. Пушистые эверести и монбланы высились на крышах домов, серебрились на узких тротуарах, белели около набережной, превратившейся в пустыню без конца и без края. Мужчины по утрам, чертыхаясь, откапывали автомобили, а женщины, чертыхаясь ещё яростнее, тащили санки с плотно закутанными детьми. С крыш свисали колоссальные сосульки, в которых отражалось бледное февральское солнце.

В один из таких дней я медленно брёл по старинному кладбищу. Вернее, по колено в снегу я пробирался между крестов и скамеек к склепу, обладателей которого уже никто не помнил. Я дошёл до знакомой ограды, отодвинул огромный камень, опустил в отверстие пакет с книгами и прокричал в темноту:

— Пётр Яковлевич, добрый день! Принимайте книги!

В глубине раздался шорох.

Наша дружба с Петром Яковлевичем началась несколько месяцев назад. Однажды летним вечером, перед экзаменом по древнерусской архитектуре, я пришёл к старинной церкви на заброшенном кладбище (оно находилось на окраине города). Эта церковь украшала собой все хрестоматии как «классический памятник архитектуры XIV века», поэтому я

счёл нужным ещё раз взглянуть на её изящные кокошники и купола. К тому же я когда-то писал рассказ об этой церкви. В нём между пожилой смотрительницей и знаменитым учёным сложилась самая нежная дружба: старушка угощала его малиновым вареньем, а он рассказывал ей интересную историю этого храма. Потом, когда он умер, люди говорили, что на стене появилось новое изображение ангела, который лицом был очень похож на учёного. Такие ходили слухи в нашем маленьком городе.

Итак, усевшись на скамью, которую какой-то доброжелатель установил около старинного некрополя, я открыл учебник, достал термос и начал читать, изредка сверяя прочитанное с натурой.

Через несколько минут, потянувшись за рюкзаком, я его не обнаружил. Вместо рюкзака на меня глядело большое чёрное отверстие в земле. Вероятно, рюкзак, продавив траву, упал в склеп. А в рюкзаке были все документы, несколько книг, дипломная работа и много других важных вещей. Подумав об этом, я пришёл в ужас. Перспектива спуска в темноту и холод, спуска к старинным развалившимся гробам встала передо мной в полный рост… «Нет, — подумал я, — будем рассуждать спокойно. Сейчас я встану, пойду к служителям кладбища и объясню им ситуацию». Потом я вспомнил двух алкоголиков, постоянно находившихся в невменяемом состоянии, и отказался от этой идеи. «Хорошо, — думал я дальше, — я достану лесенку у служителей кладбища

и, пока не стемнело, быстро спущусь за рюкзаком». Потом я вспомнил старую стремянку, ставшую причиной не одной травмы, и отказался от этой идеи. Что же делать?

Я подошёл к отверстию. Оно было довольно большим. «Странно, — подумал я, — как же его раньше не заметили?» Я осторожно расширил отверстие руками и заглянул внутрь: тишина и холод. Утеря документов, книг и дипломной работы накануне экзамена? Или спуск к гробам?

Я опустил ноги в яму и, зажмурившись, спрыгнул…

К моему удивлению, я не полетел в тёмныеую бездну: мои ноги почти сразу упёрлись в ступеньку лестницы, которая находилась в склепе. Я похолодел: из склепа кто-то выходил на поверхность? Трясущимися руками я взялся за лесенку и начал медленно спускаться. Холодные пальцы зомби уже прикасались ко мне, красные глаза вампиров уже сверкали в темноте… Нет-нет, они сверкали только в моём воображении. Лестница была большая и я спускался медленно. Через несколько минут нога упёрлась в пол. Я встал на землю. Вверху, в большом отверстии, бледнело далёкое небо. Пока глаза привыкали к темноте, я на всякий случай проверил лестницу: надёжная ли? Вдруг придётся спасаться бегством?

В склепе было… пусто. Тишина вопросительно глядела на меня чёрными глазами. Я осмотрелся. Довольно большое помещение. На стенах — ржавые лампадки и несколько пыльных икон. Больше ничего. Но что это? В дальнем углу я увидел подобие двери. Там ещё один склеп? Я осторожно напра-

вился туда. Потом явственно услышал чьи-то шаги и увидел свет, падающий из другого помещения. Я с диким криком бросился к лестнице. Но споткнувшись, упал и ударился об эту самую лестницу — мою последнюю надежду на спасение.

Когда я очнулся, то увидел, что лежу на кровати в помещении с низким потолком. Рядом сидел благообразный старик и через огромные очки внимательно смотрел на меня.

— Как вы сюда попали, молодой человек? — спросил он.

— Спустился за рюкзаком сквозь дыру… — прошептал я.

— Так это ваша сумка? — сказал старик, показывая мой рюкзак.

Я кивнул.

— Понятно. Что ж… Нечасто у меня бывают гости. Точнее сказать, ещё никогда не бывали. Так что не обессудьте — живу я более чем скромно.

— А почему вы живёте именно здесь? — спросил я.

— Схоронился от тех безобразий, что творятся наверху.

— Как вас зовут?

— Величать меня Петром Яковлевичем. И, предупреждая ваши дальнейшие вопросы, могу сказать, что раньше я имел отношение к науке, изучал древнерусскую архитектуру.

— Ничего себе! — воскликнул я. — А у меня скоро экзамен по древнерусской архитектуре. Заканчиваю университет.

— Кто у вас преподаёт? — быстро спросил Пётр Яковлевич.

Я назвал фамилию.

— Толковый исследователь. Только излишне увлекается внешними влияниями. Вы лицом очень похожи на моего сына. Он сейчас в Америке, и тоже преподаёт.

Я насторожился.

— А не ходили ли вы раньше в церковь, которая наверху?

— Конечно, ходил. Меня ещё няня в детстве сюда приводила. Раньше здесь смотрителем работала хорошая добрая женщина — Мария Александровна. Чаем меня угощала.

— Постойте! — воскликнул я. — Ведь я же писал рассказ о вас, он называется «Учёный (рассказ музейного смотрителя)»! Пару лет назад он был опубликован в сборнике рассказов[1].

— Ах, так это вы — автор? Знаю-знаю, читал. Только кое в чём вы ошиблись.

— В чём же?

— Сейчас-сейчас, дай Бог памяти. Вот вы пишите про нас с сыном: «Несколько лет назад они поссорились, учёный уже не мог вспомнить, из-за чего, а сын, видимо, помнил». И вовсе мы не ссорились. Просто в то время у меня не было голоса — сильно простудился и со связками произошла катастрофа: я совсем не мог говорить. Звонить мне было бесполезно, сын писал мне письма. Кстати, вы и Марию Александровну не назвали.

---

[1] *Пудов Г.* Учёный (рассказ музейного смотрителя) // *Пудов Г.* Волшебный тюльпан. Рассказы. [б.м.]: Издательские решения, 2024. С. 309—311.

— Так ведь рассказ был от её лица.

— Хорошо-хорошо. Только нет её больше — умерла месяц назад. И в этом ваш рассказ не совсем точен.

— Приношу извинения.

— Не стоит: в остальном всё правильно.

— Как же вы здесь-то оказались? — спросил я.

— Я не случайно начал в ту пору посещать церковь. Не только из-за малинового чая Марии Александровны. Снедала меня грусть-тоска.

— Из-за чего?

— Из-за всего, что творилось вокруг. В мои времена не было таких безобразий. Нынче всё измеряется деньгами. Молодёжь пропадает с головой в этих своих айфонах, или как их там. Глупеют день ото дня, сквернословят, как сапожники. Повсюду безграмотность. Телевидение эксплуатирует инстинкты, превращая людей в агрессивных и трусливых животных. У власти сплошная солдатня, страну превратили в какой-то военный лагерь. По знакомому пути двигаетесь, товарищи. Мне ли этого не понимать? Я даже знаю, что будет дальше. Замятин, Оруэлл… Читали?

— Да. И вы решили спрятаться?

— Именно. Я знал, что на этом кладбище давно не хоронят, так что «соседей» у меня нет. А из склепа покойников перезахоронили ещё тридцать лет назад. Вот я теперь и живу здесь. Никаких телефонов, телевизоров — только книги да самые необходимые вещи. Кстати, я не все «книги пере-

дал библиотеке, мебель — детскому дому», как вы пишете в рассказе: кое-что оставил себе.

— А как же, простите, удобства? — поинтересовался я.

— Туалет вы имеете в виду? Дедовским способом. А мыться я хожу домой. У меня же квартира осталась, не забыли? Прихожу ночью, чтоб никто не видел.

— Теперь я понял, почему соседи сочли вас умершим.

— Они и в прежние времена не очень меня замечали.

— А хотите, я буду приносить вам книги? — спросил я.

Так и началась наша дружба. Потому я и прокричал в темноту тем зимним днём:

— Пётр Яковлевич, добрый день! Принимайте книги!

Когда я спустился в склеп, внимательно проследив, чтоб этого никто не заметил, Пётр Яковлевич рассматривал принесённые книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.